

Белинский Виссарион Григорьевич (Россия до Петра Великого)

Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а *неславянами*. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских; и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек!
Карамзин. Письма русского путешественника, т. III., стр. 167¹

Мы, русские, беспрестанно упрекаем самих себя в холодности ко всему родному, в равнодушии ко всему отечественному, русскому². Справедливо ли это? -- И справедливо и нет! Справедливо, потому что это факт; несправедливо, потому что в уразумении этого факта принимают следствие явления за самое явление. Что такое любовь к своему без любви к общему? Что такое любовь к родному и отечественному без любви к общечеловеческому? Разве русские сами по себе, а человечество само по себе? Сохрани бог!.. Только какие-нибудь китайцы особны и самостоятельны в отношении к человечеству; но потому-то они и представляют собою карикатуру, пародию на человечество, и человечество отвращается от братства с ними. Но и китайцы еще не пример в этом вопросе, потому что было время, когда и китайцы были связаны с человечеством, выразив собою первый момент его сознания в форме гражданского общества;³ этому и обязаны они своим дивным государственным устройством, в котором все определено и ничего не оставлено без сознания и которое теперь потому только смешно, что, лишненное движения, представляет собою как бы окаменевшее прошедшее или египетскую мумию довременного общества. Нет, здесь в пример идут разве какие-нибудь якуты, буряты, камчадалы, калмыки, черкесы, негры, которые действительно ничего общего с человечеством не имели, которых человечество не признает живою, кровною частию самого себя и для которых, может быть, есть только будущее... Итак, разве Петр Великий -- только потому велик, что он был *русский*, а не потому, что он был также *человек* и что он более, нежели кто-нибудь, имел право сказать о самом себе: *я человек -- и ничто человеческое не чуждо мне*?⁴ Разве мы можем сказать о себе, что любим Петра и гордимся им, если мы не любим Александра Македонского, Юлия Цезаря, Наполеона, Густава Адольфа, Фридриха Великого и других представителей человечества? Что он к нам ближе всех других, что мы связаны с ним более родственными, более, так сказать, кровными узами -- об этом нет и спора, это истина святая и несомненная; но все-таки мы любим и боготворим в Петре не то, что должно или может принадлежать только собственно русскому, но то общее, что может и должно принадлежать всякому человеку, не по праву народному, а по праву природы человеческой. *Гений*, в смысле превосходных способностей и сил духа, может явиться везде, даже у диких племен, живущих вне человечества; но *великий человек* может явиться только или у

народа, уже принадлежащего к семейству человечества, в историческом значении этого слова, или у такого народа, который миродержавными судьбами предназначено ему, как, например, Петру, ввести в родственную связь с человечеством. И потому-то есть разница между великими людьми человечества и гениями племен и, так сказать, *защитных* народов; есть великая разница между Александром Македонским, Юлием Цезарем, Карлом Великим, Петром Великим, Наполеоном -- и между Аттилою, Чингисом, Тамерланом: первые должны называться *великими людьми*, вторые -- *les grands kalmuks...* {великие калмыки (монголы) (франц.). -- Ред.}

Да! Мы холодны к своему, равнодушны к родному, но не потому, чтоб холодность и равнодушие лежали в нашей натуре, не потому, чтоб они были каким-нибудь нашим недугом, а потому, что мы еще холодны и равнодушны к общему, к мировому, которое заслонено от нас личным. Слово "интерес" мы еще принимаем в смысле "выгоды", а не живого и страстного сочувствия ко всему человеческому, в высшем и благороднейшем значении этого слова. Мы еще только начинаем соглашаться, что не худо иногда, перед вистом, в ожидании, пока подойдет *четвертый*, долженствующий дополнить партию, -- поговорить и об искусстве, и об истории, и о Наполеоне, и о Шекспире, словом -- о "Байроне и о матерях важных"...⁵ Петр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но и истории всего человечества; он божество, воззвавшее нас к жизни, вдунувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России: и что же? чем показали мы свое неравнодушие к такому великому для нас явлению? Ничем, потому что громкие фразы, великолепные риторические восклицания еще меньше, чем ничто. Любовь проявляется в деле; следовательно, вопрос в том, что мы *сделали* для того, чтоб понять Петра Великого как великое историческое явление. Собрали ли мы материалы для его истории? -- Нет! Сверили ль, сличили ль между собою, поверили ль историческою критикою хотя известные нам факты? -- Нет! Есть ли у нас хоть какие-нибудь, сколько-нибудь заслуживающие внимание попытки изобразить в стройной исторической картине жизнь и деяния Великого? -- Доселе еще -- нет!⁶ Правда, был у нас один, который мог бы алмазным пером своим, как на меди или мраморе, нетленными чертами передать вечности дела и образ Великого; но преждевременная смерть вырвала волшебное перо из творческих рук и надолго лишила Россию надежды иметь учено-художественную историю творца ее будущего величия и счастья...⁷ Из прежних попыток сделать что-нибудь для истории Петра Великого достоин величайшего уважения только бескорыстный и простодушный труд Голикова. Прекрасное, отрадное явление в русской жизни этот Голиков! Полуграмотный курский купец, выучившийся на железные гроши читать и писать, чувствует сильную потребность во что бы то ни стало узнать историю Петра Великого. Недостаток в средствах лишает его возможности собирать материалы; однако он делает для этого всевозможные пожертвования, урывками от коммерческих занятий и житейских забот, читает он все, что попадается ему под руку о Петре, делает выписки, и таким

образом полагает начало своему труду, огромности которого и сам не предчувствует. Вдруг подпадает он уголовному суду, лишается свободы и чести; но через два с половиною года освобождается из заключения вследствие милостивого манифеста, по случаю открытия в Петербурге монумента Петру Великому⁸. Из тюрьмы спешит он в церковь, оттуда на Петровскую площадь и, в священном исступлении, упав на колени пред статуею великого, громко и всенародно клянется достойно отблагодарить его за благодеяние. С тех пор каждая минута жизни его посвящена на совершение высокого подвига. *Тридцать томов* остались памятником его благородного рвения, и в безыскусственном, беспорядочном его рассказе нередко заметно одушевление, достойное предмета, его возбудившего; в основе лежит бессознательное, но тем не менее верное созерцание идеи, выраженной явлением Петра Великого. Явись Голиков у англичан, французов, немцев -- не было бы конца толкам о нем, не было бы счета его биографиям; гипсовые изображения его продавались бы вместе с статуями Наполеона, Вольтера, Руссо, Франклина; портреты выставлялись бы в окнах эстампных магазинов, виднелись бы на площадях и перекрестках.

Итак, труд Голикова есть почти *все*, что сделано нашу литературу для истории Петра Великого. Карамзин еще далеко не дошел до нее⁹, Пушкин смертью застигнут в приготовительных работах к ней. Записные наши исторические критики заняты вопросом "откуда пошла русь"¹⁰ -- от Балтийского или от Черного моря. Им как будто и нужды нет, что решение этого вопроса не делает ни яснее, ни занимательнее баснословного периода нашей истории¹¹. Норманны ли забалтийские или татары запонтийские -- все равно: ибо если первые не внесли в русскую жизнь европейского элемента, плодотворного зерна всемирно-исторического развития, не оставили по себе никаких следов ни в языке, ни в обычаях, ни в общественном устройстве, то стоит ли хлопотать о том, что норманны, а не калмыки пришли княжители над словены; если же это были татары, то разве нам легче будет, если мы узнаем, что они пришли к нам из-за Урала, а не из-за Дона, и вступили в словенскую землю правою, а не левою ногою?..¹² Ломать голову над подобными вопросами, лишенными всякой существенной важности, которая дается факту только мыслию, -- все равно, что пускаться в археологические изыскания и писать целые томы о том, какого цвета были доспехи Святослава и на которой щеке была родинка у Игоря. А между тем этот первый и бесплодный период русской истории поглощает, или по крайней мере поглощал, всю деятельность большей части наших ученых исследователей, которые и знать не хотят того, что имена Рюриков, Олегов, Игорей и подобных им героев наводят скуку и грусть на мыслящую часть публики и что русская история начинается с возвышения Москвы и централизации около нее удельных княжеств, То есть с Иоанна Калиты и Симеона Гордого. Все, что было до них, должно составить коротенький рассказ на нескольких страничках, вроде введения, рассказ с выражениями вроде следующих: "летописи говорят, но думать должно; вероятно; может быть; могло быть" и т. д. Подобное введение должно быть коротко, ибо что

интересного в подробном повествовании о колыбельном существовании хотя бы и великого человека? И малые и великие люди в колыбели равно малы: спят, кричат, едят, пьют. Даже и собственно история московского царства есть только введение, разумеется, Несравненно важнее первого, -- введение в историю государства русского, которое началось с Петра. В этом введении встречаются интересные лица, сильные и могучие характеры, даже драматические положения целого народа; но все это имеет чисто человеческий, а не исторический интерес; все это так же интересно в русской истории, как и в истории всякого другого народа во всех пяти частях свет" -- История есть фактическое жизненное развитие общей (абсолютной) идеи в форме политических обществ¹³. Сущность истории составляет только одно разумно необходимое, которое связано с прошедшим, и в настоящем заключает свое будущее. Содержание истории есть общее: судьбы человечества. Как история народа не есть история миллионов отдельных лиц, его составляющих, но только история некоторого числа лиц, в которых выразились дух и судьбы народа, -- точно так же и человечество не есть собрание народов всего земного шара, но только нескольких народов, выражающих собою идею человечества. Мы уже намекнули, что и самый Китай имел всемирно-историческое значение, выразив робую первый момент общественности; но хотя китайцы и теперь существуют, да еще в числе, как говорят, чуть ли не ста миллионов голов, однако они столько же принадлежат к человечеству, сколько и миллионы рогатых голов их многочисленных стад. Индийцы, египтяне, и особенно племена семитические, греки и римляне, -- каждый из этих народов был звеном в цепи развития человечества, -- *был*, но теперь уже не *есть*, ибо индийцы и египтяне теперь нечто вроде окаменелостей, а греки и римляне исчезли совсем с лица земли, уступив родную почву другим племенам. Мухаммеданский восток раскинулся пышным, хотя и мгновенным цветом; но и этому он обязан был той односторонней истине, которую выразил я многосторонней лжи своей. Аравитяне имели влияние на самую Европу и тем придали мухаммеданству характер исторической необходимости и спасли его от забвения. Но когда односторонняя истина его содержания сшиблась с общею, мировую истину христианского европеизма, -- он уступил, потом пал, и теперь одряхлевший и безжизненный труп Турции держится только милостию европейских держав. Умерший Рим завещал богатое наследство своей жизни разрушившим его варварам: он дал им христианство, цивилизацию и законы. С тех пор человечество явилось в лице тевтонского племени, широким потоком разлившегося по Европе; все же остальное представляло собою явления случайные, которые возникали бог знает откуда и как и исчезали бог знает где и как, подобно ветру в степях Аравии... Атилы и Тамерланы основывали огромные монархии и грозили всему миру и Европе; но мир и Европа остались, а грозные воители исчезли в мале; вместе с ними исчезли и их эфемерные монархии, возникшие и развившиеся не изнутри, подобно явлениям растительного и животного царств Природы, а снаружи, чрез налипание, подобно минералам, не органически, а химически и механически.

Случайно было их явление, случайно было и их падение: могущество отдельной от человечества личности воззвало их к бытию, а смерть этой личности возвратила их в прежнее ничтожество. Между тем Европа росла, крепла и развивалась, выдержала ужасные напоры случайных сил и в существенных стихиях собственной жизни нашла разрешение противоречий этой жизни, а в борьбе разумной необходимости с случайностью открыла неисчерпаемый источник, богатое содержание неизживаемой жизни, -- и только простодушное невежество или жалкое суеверие и фанатизм могут видеть последние дни и смертное томление Европы в успехах ее цивилизации, в торжестве человеческого разума¹⁴. В каком смутном брожении, в какой свирепой борьбе элементов и сил является история Европы средних веков! Но в этом хаосе немолчно раздается всемогущий глагол жизни, творческое "да будет!";¹⁵} дух божий носится во мраке над ярящимися волнами беспредельных вод... и вот почему, при всей пестроте, при всей яркости цветов, при всем разнообразии и смешении борющихся между собою элементов, история Европы представляет стройную и величественную картину разумных и великих событий; взор мыслителя усматривает в форме этой многосложной картины единство диалектически развивающейся мысли.

Чтоб лучше показать, какая разница между интересным характером народа, не жившего жизнью человечества, и интересным характером всемирно-исторического народа, сравним Иоанна Грозного и Лудовика XI¹⁶. Оба они -- характеры сильные и могучие, оба ужасны своими делами: но Иоанн Грозный -- важное лицо только для частной истории России: он довершил уничтожение уделов, окончательно решил местный вопрос, многозначительный только для России, -- между тем как тирания Лудовика XI имела великое значение для Франции и, следовательно, для Европы: Лудовик нанес ужасный удар феодализму, сколько можно было сосредоточил государство, поднял среднее сословие, установил почты, хитрую и коварною своею политикою отстоял Францию от Карла Смелого и других опасных врагов, и пр. В характере и действиях Лудовика XI выразился дух эпохи, конец средних веков и начало новейшей истории Европы. Иоанн интересен как *человек* в известном положении, даже как частно-историческое лицо; Лудовик XI -- как лицо *всемирно-историческое*. Иоанн пал жертвою условий жизни народа, на котором вымещал свою погибель; Лудовик, чувствуя на себе влияние времени, был в то же время не только рабом его, но и господином, ибо давал ему направление и управлял его ходом.

История России от времен Калиты и особенно от Иоанна III до Петра Великого, без всякого сомнения, несравненно, интереснее, чем в период уделов и первой половины татарского ига; но чем интереснее становится она, тем менее обращает на себя внимание и трудолюбие ученых деятелей. По крайней мере в последнее время издано много исторических памятников, относящихся к этому периоду, чему обязаны мы более просвещенному содействию правительства, нежели ревности частных лиц. Что же до самой

интереснейшей эпохи нашей истории -- царствования Петра Великого, ее как будто и не существует в глазах наших ученых, поглощенных общими местами о происхождении Руси. А между тем каждый, если случится ему написать имя Петра, почитает за долг выйти из себя, накричать множество громких фраз, зная, что бумага все терпит. Иные из писавших о Петре, впрочем люди благонамеренные, впадают в странные противоречия, как будто влекомые по двум разным, противоположным направлениям: благоговей перед его именем и делами, они на одной странице весьма основательно говорят, что на что ни взглянем мы на себя и кругом себя -- везде и во всем видим Петра; а на следующей странице утверждают, что европеизм -- вздор, гибель для души и тела, что железные дороги ведут прямо в ад, что Европа чахнет, умирает и что мы должны бежать от Европы чуть-чуть не в степи киргизские...¹⁷

Мы очень рады, что появление второго издания Голикова, истории Бергмана и сочинения Кошихина дает нам случай и возможность сказать несколько слов о величайшем явлении русской истории и об одном из величайших явлений всемирной истории -- о Петре Великом. Просим наших читателей не быть слишком взыскательными, не выпускать из вида великости предмета и незначительности средств к его уразумению, не забывать также, что в журнальной статье нельзя высказать всего так, как бы хотелось. Мы почтем себя вполне достигшими цели, если статья наша займет не одни глаза читателя, но и душу и разум его, и наведет его на мысли и думы, которых еще не возбуждали в нем исторические возгласы о Петре Великом.

Собрание фактов, касающихся до истории Петра Великого, критическое рассмотрение и поверка материалов ее -- вот что прежде всего ожидает деятелей. Прагматическое изложение этих фактов -- второе великое дело, пока еще тщетно ожидающее для себя труда и таланта. Но ни то, ни другое не может обойтись без определения настоящей точки зрения на Петра Великого, как на исторического действующего. Пусть всякий делает свое: мы постараемся изложить свою мысль, или, если угодно, свое мнение о деле Петра, подкрепляя его, где будет нужно, живым свидетельством исторических фактов.

В чем заключается дело Петра Великого? В преобразовании России, в сближении ее с Европою. Но разве Россия и без того находилась не в Европе, а в Азии? -- В географическом отношении, она всегда была державою европейскою; но одного географического положения мало для европеизма страны.

Что же такое Европа и что такое Азия? -- Вот вопрос, из решения которого только можно определить значение, важность и великость дела Петра.

Азия -- страна так называемой естественной непосредственности, Европа -- страна сознания; Азия -- страна созерцания, Европа -- воли и рассудка. Вот главное и существенное различие Востока и Запада, причина и исходный пункт истории того и другого. Азия была колыбелью

человеческого рода и до сих пор осталась его колыбелью: дитя выросло, но все еще лежит в колыбели, окрепло -- но все еще ходит на помочах. В жизни, действиях и самом сознании азиатца видна только первобытная естественность -- и больше ничего. Азиатца нельзя назвать животным, ибо он одарен смыслом и словом; но он животное в том смысле, в каком можно назвать животным младенца. Младенец есть возможность человека в будущем, но в настоящем -- что такое жизнь его? -- растительность и животность. Воплем и слезами изъясляет он страдание и горечь; криком и смехом -- радость и удовольствие. Источник его радостей и страданий -- его организм: здоров он и сыт -- он доволен; может лакомиться -- он счастлив; болен и голоден -- он страдает; есть у него пища, но нет лакомств -- он спокоен, но уныл, страсти его молчат, живость ощущений притупляется; увидит лакомства -- он испускает вопли радости, глаза его сверкают огнем и странную живостью. Таков и азиатец. Основа его общности есть обычай, освященный древностью, давностью и привычкою. "Так жили отцы наши и деды" -- вот основное правило и высшее разумное оправдание азиатца в его быте и образе жизни. Прекрасное правило, все оправдывающая причина! Это альфа и омега всякой мудрости, это последний ответ на все вопросы разума! И, к тому же, оно так легко для уразумения, так коротко! Спросите черкеса, зачем он свято соблюдает права гостеприимства в своей сакле и грабит, режет своего гостя на дороге, подстреливает его из-под куста, как дикую птицу, или хватает на аркан, заковывает в железо и заставляет всю жизнь пасти стада, -- он ответит вам: "Так делали отцы и деды наши". Хорошо ли это, дурно ли, разумно или бессмысленно, -- подобные вопросы не приходят ему в голову; это слишком тяжелая, слишком неудобоваримая пища для его головы. Так же точно нисколько не думает азиатец о своей человеческой личности -- о значении ее и правах. Сегодня богат он, завтра нищ; сегодня он неограниченный повелитель миллионов, завтра раб презренный и безгласный; сегодня движение руки его, мание бровей его изрекают войну и мир, жизнь и смерть, -- завтра подносят ему шелковый снурок, который он сам надевает себе на шею. Почему все это так, а не иначе, и должно ли все это быть так, а не иначе, -- он об этом никогда не спрашивал ни себя, ни других. Так было задолго до него, так бывает не с одним им, а со всеми; следовательно, такова воля аллаха! И потому он так же хладнокровно распоряжается счастьем или несчастьем, жизнью и смертью ближних, как хладнокровно сам подчиняется велениям судьбы, Вследствие этого ценность человеческой крови для него нисколько не выше ценности крови домашних животных. Отсюда неограниченный деспотизм и безусловное рабство. Отсюда же совершенный произвол, с одной стороны, и совершенное отсутствие чувства законной приверженности и непоколебимой верности, с другой. Турок не ропщет, если дурное расположение духа властелина сажает его на кол или вешает на петле; но турок же не задумается ни на минуту пристать к смелому мятежнику против законного властителя, к сыну против родного отца. Вот непрочность одних естественных связей, не созданных *посредством* рассудка! Семейственность есть общая форма

азиатского быта; самое государство на Востоке -- семейство в огромном размере. Но посмотрите, как ничтожны там узы родства! У детей нет матери, потому что мать их не *человек*, не *женщина*, *асамка* и *матка*; но у детей нет и отца, ибо и отец их только *самец*, владеющий известным числом самок, и притом господин и повелитель и своих самок, и своих *детенышей*, неограниченный властелин, при котором они, как рабы, должны безмолвно стоять, потупив глаза в землю, приложив руку к груди. И потому кровавые сцены в семействе на Востоке -- обыкновенные события и далеко не возбуждают такого мистического ужаса, как в безнравственной и *безбожной* (по мнению китайских мандаринов пятой степени) Европе. В некоторых мусульманских землях повелитель, восходя на трон отца своего, умерщвляет всех своих братьев, а в некоторых только велит им выкалывать глаза. Разумеется, подобное право не простирается на частных людей; но что освящено употреблением и обычаем, то не может казаться Особенным преступлением, не может внушать особенного ужаса. Вот что значат естественные права крови, не освященные любовью и духом, не созданные разумением! Кажется, никто так не близок к природе, как животные, и, следовательно, ни у кого узы крови не должны быть так крепки и нерушимы, как у животных; но у них-то и нет совсем никаких уз родственных: тигр пожирает детей своих даже без крайней необходимости, тигрица пожирает детей в голоде, и вообще самка какого бы то ни было животного только до тех пор мать своим детям, пока кормит их грудью, а ее порождения только до тех пор ее дети, пока сосут ее; после же этого термина взаимные отношения детей к матери и матери к детям как-то странно изменяются...

Почти все это можно видеть и между людьми на Востоке: торговля детьми (особенно дочерьми) -- один из главнейших промыслов у некоторых азиатских племен. Где нет любви, там нет и взаимной доверенности, а узы родства там только увеличивают взаимную недоверчивость, ибо личные интересы родных чаще всего сталкиваются враждебно. Сила личного самохранения не может ослабевать или усыпляться от родства, если любовь не освобождает от подозрения и страха. В Европе власть родительская основана на праве любви сознательной и разумной, вышедшей из любви естественной; и потому в Европе право родства утрачивает всю силу свою, как скоро перестает опираться на право любви. Об исключениях говорить нечего; но можно почитать общим правилом, что отец не имеет права жаловаться на дурных детей, потому что только у дурных родителей могут быть дурные дети. А так как отношения столь близких между собою людей, как родные, не могут быть предметом верного и непогрешительного суда посторонних, то эти отношения и приведены в общие и законные формы. Закон смотрит только на внешнее, на форму, на приличие, не позволяя себе проникать во внутреннее, которое передает в высшую инстанцию -- в судилище совести. И потому гражданский закон в Европе требует от детей только внешнего уважения к родителям, но не любви, для которой нет гражданских законов. С другой стороны, права родителей над детьми ограничены общественным мнением; в известные лета дети становятся

полными господами своей участи и своих поступков. И потому в Европе можно видеть примеры, как дети судятся с своими родителями или родители с детьми; но только в Азии можно видеть примеры детоубийства и отцеубийства; в Европе те и другие -- чудовищные и редкие исключения.

Сознание азиатца спит, ибо заключено в магическом кругу младенческой естественности, непосредственности. Мысль его преимущественно проявляется в религиозной сфере; но и тут далее естественного пантеизма она не восходила. Исключение остается за одними евреями, которым высшая воля поручила хранение сокровища, цены которого они сами не умели ценить. Поэтому и христианство могло развиваться только в Европе. Но в исламе Азия увидела полное выражение своего духа. "Ни о чем не думай, ибо за тебя думает святая книга; наслаждайся чувственными удовольствиями и властью, если предопределение даст тебе их; погибай без ропота, ибо так написано на деках предопределения; губи без смущения, ибо так написано на деках предопределения твоей жертвы" -- вот основание исламизма¹⁸. Коран предписывает любовь к ближнему, гостеприимство; высшим блаженством называет он созерцание бесконечных совершенств аллаха; но эта любовь к ближнему уничтожается понятием о предопределении и простирается только на правоверных, а не на поганых джауров, которых истинный мусульманин должен фанатически ненавидеть; но это созерцание божеских совершенств переходит в дремоту души, утомленной чувственностью, и в бессмысленную формалистику, которая предписывает известное число повторений "нет бога, кроме бога" и пр., намазы¹⁹ и т. п.

Основание всех религий, возникших в Азии (кроме одной -- единой, безусловной и божественной), есть физический пантеизм (всебожие), или обожествление субстанциальных сил природы. Как скоро этот пантеизм истощает все свое содержание и от природы должен возвыситься до духа, -- он тотчас же и уничтожается, впадая в отвлеченные случайности и мертвый формализм. Он движется, но в ограниченной сфере самого себя, или, лучше сказать, кружится на одном месте, а не движется от исходного пункта своего вдаль по прямой линии. По крайней мере в индийском пантеизме были видоизменения, была борьба сект, были свои секты, тогда как исламизм явился чем-то определенным, без всякой возможности даже кружения, не только развития, -- в стоячей и мертвенной неподвижности. Отвергнувши, по-видимому, всякий формализм служения, всякое чувственное представление божества, и чрез то, по-видимому, став исповеданием в духе, -- он в существе своем тот же индийский пантеизм, то же робкое обожествление природы, а не духа, только более ограниченное и уже совершенно непосредственное и бессознательное. Это самые крепкие оковы для ума человеческого; это самый мягкий и роскошный диван для его лени и усыпления. Исламизм нисколько не допускает в себя элемента свободного и разумного мышления; от этого дикий фанатизм и ожесточенное невежество есть его опора, сила и характер. Поэтому же самому неподвижность есть условие исламизма; он сгниет и разрушится действием собственного гниения, но не изменится, не обновится,

не примет в себя новых элементов. Он предлагает свои догматы и законы как повеления, а не как истины на основании каких бы то ни было доказательств. После сего, удивительно ли, что христианство не могло укорениться на Востоке: оно убеждает, а не поработывает, оно отвергло материю и поставило над нею духа святого, который есть любовь и разум...

Та же неподвижность и в общественном быте азиатцев. Условия его немногосложны и просты, как условия стад и табунов: соединенные родственным инстинктом, животные спокойно пасутся, не мешая друг другу; а когда в них разыграются страсти, то решают действительность прав своих превосходством силы, крепостию рог и копыт. Право возмездия -- древнейшее из всех прав, потому что оно самое "естественное право". Христианство отвергло его с особенною энергиею; но это потому, что христианство было освобождением человечества от оков грубой естественности. Для азиатца право личности -- не в законе, а в кинжале; его обидели, кровь закипела -- и кинжал в груди оскорбителя; убийца не всегда даже и хлопочет о спасении: если на деках предопределения не написано умереть ему от казни, его не казнят, а написано -- ничем не спастись. Судилищ и судейской процедуры азиатец не терпит: суд совершается в доме судьи, решение зависит не от силы и разума закона, а от мудрости судьи. Тут же и благодетельная фалака²⁰, а если нужно, и виселица -- дело только в петле, виселицею же может служить первое попавшееся на глаза окно мирного гражданина. Азиатец лучше хочет быть невинно бит по пятам палками, повешен, посажен на кол, только чтоб сию же минуту, без проволоочки, -- чем подвергаться судебному следствию, которое лишило бы его возможности сидеть поджав ноги, делать кейф или творить намаз. Турок от искреннего сердца дивится глупости неверных франков, проклятых джяуров, которые, попавшись под суд, хотят, чтоб их судили, и не требуют того, чтоб их поскорее отколотили по пятам или посадили на кол.

Однообразна частная жизнь азиатцев. Это -- или дикие оргии грубой чувственности, или молчаливая беседа гостей, прерываемая изредка вежливым вопросом: "Каково состояние вашего мозга?" и не менее деликатным ответом: "Оно сладко, как сахар". Наскучив наконец сидеть поджав под себя ноги и курить заветный кальян, или прокурившись до последней крайности, -- мусульманин, бывало, снимал с стены свою дамасскую саблю и с диким бешенством вторгался в пределы франков, грабил Сербию, Венгрию, Польшу, полуденную Россию; а насытившись боевою тревогою и разжившись военным грабежом, снова садился под тень спокойствия, на ковер наслаждения и погружался в созерцание божества, повторяя: "Нет бога, кроме бога, и Мухаммед пророк его", -- и разве только для невинного рассеяния рубил головы рабам своим и бросал в море мешки с своими женами. Прекрасная жизнь! Она вся в чувстве -- мятежный разум не смеет и издалека подойти к ней, чтоб смутить ее животное блаженство!..

Неподвижность и окаменелость слиты с Азией, как душа с телом. Какова она была за несколько тысячелетий до рождества Христова, такова и теперь, и так пребудет всегда, если Европа не подломит оснований ее

непосредственного состояния и не преобразует ее христианством. В Азии нет ни науки, ни искусства, а есть, вместо их, предание и обычай. Нигде не льется столько крови, как в Азии, нигде люди не режутся так много, как в Азии, -- и все-таки там нет военного искусства! Победу дает случай, слепой случай, а не ум, не искусство и не всегда даже превосходство в силе. В самом деле, если не случайность, то тут часто участвует вдохновение, власть минуты. В Европе храбрость храбростию, одушевление одушевлением -- а математический, прозаический расчет своим чередом. Европейец умеет помирить вдохновение с рассудком, азиатец весь в распоряжении минутного расположения духа, которое и в массах, как и в человеке, часто зависит от одной случайности. Правда, Китай служит как бы исключением из этого правила; но это только кажется так: иначе отчего же бы все его изобретения стали на полдороге, все учреждения окаменели при возникновении своем, и он сам -- трехмесячный ребенок с седыми волосами, с желтою, морщиноватою, как печеное яблоко, кожей, с сторбленным станом?.. Скажут, что сами китайцы всеми мерами поддерживают самое безусловное status quo {существующее положение (лат.). -- Ред.} в своем государстве, поняв, что оно только этим и может существовать. Глубок же источник жизни в том государстве, которое при отступлении от условий старинного своего быта, приемля новые открытия и обычаи, должно разрушиться, как набальзамированный и хорошо сбереженный труп в свинцовом гробе разрушается от прикосновения к нему воздуха!..

И вот Азия! Знаем, что мы тут ничего нового о ней не сказали; но не та была и цель наша: нам нужно было только напомнить читателю уже известное всем об Азии, чтобы он, при чтении этой статьи, не выпустил из вида, что такое для человека, народа и человечества пребывание в так называемой естественной непосредственности сознания.

Еще менее можем сказать мы нового о Европе касательно ее противоположности с Азией; но и это не цель наша: нам опять нужно только привести для соображения читателю две-три самые резкие черты; собственная его проницательность дополнит остальное.

Еще во времена язычества, в древнем мире, характер Европы был противоположен характеру Азии. Противоположность эта состояла в нравственной подвижности и изменчивости Европы, которых причина заключалась в вечном усилии европейских народов силою сознания посредствовать с собою все отношения свои к миру и жизни. Воспользовавшись чувством и вдохновением, как моментом развития, как необходимым элементом жизни, европейец издревле дал полную волю своей мыслящей способности, судительной и анализирующей силе своего ума, привел в движение свой рассудок, разрывающий полноту всякой непосредственности. Созерцание помирил он действием и в созерцании своей деятельности нашел свое высочайшее блаженство, -- и деятельность его состояла в том, чтоб беспрестанно вносить в жизнь свои идеалы и осуществлять их в этой жизни. Для грека жить значило мыслить: другой жизни не понимал он. Его верование было тот же пантеизм, но не

отвлеченный и неподвижный, а распавшийся на множество живых и прекрасных божественных личностей. Грек всегда предчувствовал больше, чем понимал: доказательство -- воздвигнутый им в афинском храме алтарь *богу неведомому*²¹. Грек диалектически пережил свое *верование*, дошел до точки, где оно стало *знанием*. Он перепробовал все формы жизни общественной и гражданской; он принадлежал и семейству, но жил на площади, в храмах, в мастерских художников, в садах академий и лицеев, слушая ораторов и философов; конец его внутренней жизни был концом и его политического существования. Суровый римлянин развил своим политическим существованием идею права, основанного на авторитете чистого мышления, отвлеченного рассудка. Для римлянина легче было увидеть себя ложно обвиненным и несправедливо осужденным, нежели оправданным не по форме суда, не на основании закона, а по произволу судящих. Закон для него был не преданием и не обычаем, но сознанием, -- и вместе с развитием его сознания развивалось и его право, так что, не зная истории Рима при каких-нибудь Горациях и Куриациях²², нельзя знать, откуда и как явилось то или другое узаконение при том или другом императоре до Юстиниана. Развив вполне отвлеченное понятие положительного права, Рим совершил свое назначение, изжил всю свою жизнь, -- и его история, от эпохи собрания законов в кодексы до падения от мечей варваров, есть журнал смертельной болезни, который врач ведет, наблюдая своего пациента до последней его минуты. Христианство возродило Европу и дало ей неизживаемый запас жизни. Не будем говорить о рыцарстве, об обожании женщины, о возникновении городов и среднего сословия, словом, о всех этих изменениях, вследствие которых варварский Север стал в главе человечества и постыдил своим духовным развитием образованный Юг. Что общего между полудиким норманнским рыцарем, с ног до головы закованным в железо, ломающим копье в честь своей дамы, и Наполеоном в сером сюртуке, с маленькою шпагой? Что общего между презираемым мещанином средних веков, который еще не забыл боли от ошейника, и между могучим банкиром Ротшильдом? Что общего между монахом средних веков, в тишине кельи, при свете лампы, писавшим свои простодушные хроники, и профессором нашего времени, с кафедры критически рассматривающим наивную летопись монаха? Что общего между алхимиком средних веков, таинственно, с опасностью подвергнуться пытке и сожжению за колдовство, отыскивавшим философский камень, и Кювье, Жоффруа де Сент-Илером, Гумбольдтом, открыто, перед всем человечеством совлекающими с природы таинственные ее покровы? Что общего между бродячим трубадуром средних веков, украшавшим своими песнями пиры царей, и между поэтом новейшей Европы, или гонимым от общества, или носившим ливрею знатных бар, и наконец -- между Байронами, Гете, Шиллерами, Вальтер Скоттами -- этими гордыми властелинами нашего времени? -- Что общего? -- Ничего! Однако ж все эти противоположности -- не иное что, как крайние звенья одной и той же великой цепи духовного развития и цивилизации. Самое непостоянство мод в платье и мебели

выходит в Европе из глубокого начала движущейся и развивающейся жизни и имеет великое значение. Год для Европы -- век для Азии; век для Европы -- вечность для Азии. Все великое, благородное, человеческое, духовное возшло, выросло, расцвело пышным цветом и принесло роскошные плоды на европейской почве. Разнообразие жизни, благородные отношения полов, утонченность нравов, искусство, наука, порабощение бессознательных сил природы, победа над матернею, торжество духа, уважение к человеческой личности, святость человеческого права, -- словом, все, во имя чего гордится человек своим человеческим достоинством, через что считает он себя владыкою всего мира, возлюбленным сыном и участником благодати божией, -- все это есть результат развития европейской жизни. Все человеческое есть европейское, и все европейское -- человеческое...

Россия не принадлежала, и не могла, по основным элементам своей жизни, принадлежать к Азии: она составляла какое-то уединенное, отдельное явление; татары, по-видимому, должны были сроднить ее с Азией; они и успели механическими внешними узами связать ее с нею на некоторое время, но духовно не могли, потому что Россия держава христианская. Итак, Петр действовал совершенно в духе народном, сближая свое отечество с Европою и искореняя то, что внесли в него татары временно азиатского.

Обратимся теперь к творениям, подавшим нам повод к этим мыслям. Вот книга Кошихина "О России в царствование Алексея Михайловича". Но сперва нам следует дать читателям сведение об авторе этой книги.

Г-н Соловьев, профессор Александровского университета²³, во время своего путешествия по Швеции в 1837 году, узнал, что в Стокгольмском государственном архиве хранится рукопись, которая содержит в себе описание России при царе Алексие Михайловиче и которая есть перевод с оригинального русского сочинения, принадлежащего подъячему Посольского приказа Кошихину. В скором времени г. Соловьеву удалось отыскать и самый подлинник, хранившийся в библиотеке Упсальского университета. К заглавию этой рукописи есть приписка: "Григорья Карпова Кошихина, Посольского приказа подъячего, а потом Иваном Александровичем Селицким зовимого, работы в Стокхолме 1666 и 1667". В предисловии к шведскому переводу рукописи Кошихина находятся некоторые известия о жизни ее автора. Кошихин служил в Посольском приказе, был неоднократно употребляем для письмоводства при дипломатических сношениях с иностранными дворами и ездил гонцом в Стокгольм. Князь Ю. А. Долгорукий, сменивший прежних начальников Кошихина, князей Черкасского и Прозоровского, потребовал от Кошихина, чтоб он сделал ложный донос на своих бывших начальников. Благородный подъячий, не чувствуя себя в состоянии выполнить такое дело и вместе с тем ожидая всего от мести, бежал в Польшу (около 1664 года), где скрывался под именем Селицкого, потом странствовал в Пруссии и был в Любеке, после чего, пробравшись в Лифляндию, предался покровительству рижского генерал-губернатора Гельмфельдта, который исходатайствовал ему дозволение на свободное пребывание в Швеции. Прибыв в Швецию в 1666 году, Кошихин,

по требованию государственного канцлера графа Магнуса Делагарди, окончил свое сочинение "О России", начатое им вскоре по побеге из-под Смоленска. Кошихин был казнен в Стокгольме за убийство своего хозяина Анастасиуса, совершенное в нетрезвом виде, в ссоре по подозрению в любовной связи с его (?) женою²⁴.

Рукопись Кошихина издана Археографическою комиссиею, под редакциею почтенного члена ее г. Бередникова.

Следующие выписки из книги Кошихина дадут читателям лучшее понятие о самой книге.

Вот как вступали в брак русские цари:

...А вшед в церковь, царь и царица станут среди церкви, близко олтаря, и постелят под них, на чом стояти обьяри золотой сколько доведется, и с одну сторону царя держит под руку дружка, а царицу *сваху*; и протопоп, устроясь во одеяние церковное, начнет их венчати по чину, и в то время царицу открывают; и возлагает на них протопоп венцы церковные, а по венчании подносит им из единого сосуда пити вина французского красного, и снимет с них церковные венцы, и взложит на царя корону. И потом протопоп поучает их, как им жити: жене у мужа быти в послушестве и друг на друга не гневаться, разве некия ради вины мужу поучити ея слегка жезлом, занеже муж жене яко глава на церкви, и жили бы в чистоте и в богобоязни, неделю и среду и пяток и все посты постили, и господския праздники и в которые дни прилучится празнотети апостолом и евангелистом и иным нарочитым святым греха не сотворили, и к церкви божией приходили и подаяние давали, и со отцем духовным спрашивались по часту, той бо на вся блага научит. А соверша протопоп поучение, царицу возмет за руку и вдаст ю мужеву, и велит им меда себя учинити целование, и по целовании царицу покроют и потом протопоп и свадебный чин царя и царицу поздравляют венчався.

.....

А как начнет царь с царицею опочивать, в то время конюшей ездит около той полаты на коне, вымя меч наголо, и близко к тому месту никто не приходит; и ездит конюшей во всю ночь до света. И испустя час боевой, отец и мать, и тысяцкой, посылают к царю и к царице спрашивать о здоровье. И как дружка приходя спрашивает о здоровье, и в то время царь отвещает, что в добром здоровье, будет доброе между ними совершилось; а ежели не совершилось, и царь приказывает приходить в другой ряд, или в третьей, а дружка потому ж приходит и спрашивает. И будет доброе меж ними учинилось, скажет царь, что в добром здоровье, и велит к себе быти всему свадебному чину и отцам и матерям, а протопоп не бывает; а когда доброго ничего не учинится, тогда все бояре и свадебной чин разъедутся в печали, не быв у царя. А как свадебный чин приходит к царю, и отцы и матери и весь чин, царя и царицу поздравляют сочетався законным браком, и царь жалует подает им кубками и ковшами питья, и потом и царица подает же; и потом царь велит принести себе и царице есть легкое, потому что тот день весь постили, и едят с царицею вместе. А как откушают, и в то время сказывает

царь свадебному чину, чтоб они ехали к себе, и наутрее были к обеду, и съезжались бы все преж обеда; а сам с царицею начнет попережнему опочивать. И наутрее того дни царю и царице готовят мылны, разные, и ходит царь в мылню, а с ним дружка и постелничей; а как царь выходит из мылни, и в то время возлагают на него срачицу и порты и платье иное, а прежнюю срачицу велит сохранить постелничему; и после того слушает царь заутреню, доколе царица в мылни; и как ее во одеяние нарядят, и в тож время и бояре съезжаются к царю. А как царица пойдет в мылню, и с нею мать и иныя ближия жены и сваха, и осматривают ее сорочки, а осмотри сорочки покажут царской матери и иным сродственным женам немногим, для того, что ее девство в целости совершилось, и те сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собрав вместо, сохранят в тайное место, доколе веселие минется; и потом из мылни выходит в свои палаты. А как царю о том ведомо учинится, что уж из мылни вышла и по чину изготовились, и в то время царь со всем своим поездом ходит к царице; а царица в то время бывает во всем своем одеянии и в венце царском; и чиновные люди царя и царицу поздравляют; а потом царица подносит мыльные дары царю, и бояром, и всему свадебному чину, сорочки и порты, а бывают те сорочки и порты тафтяные и полотняные, шиты золотом и серебром. И потом царь с поезжаны ходит к патриарху, и патриарх его благословляет; и от патриарха ходит царь по церквам своим и молебствует, а по молебствовании прикладывается к образам (стр. 8-10).

За сим начинается ряд пиров, обедов, раздача подарков, милостей, вкладов в церкви, в монастыри, в богадельни, подачи хлебным и деньгами низшему церковному клиру.

А по всей его царской радости, жалует царь по царице своей отца ее, а своего тестя, и род их, с низкие степени возведет на высокую, и кто чем не достанет, сподобляет своею царскою казною, а иных разсылает для прокормления по воеводствам в города, и на Москве в приказы, и дает поместья и вотчины; и они теми поместьями и вотчинами, и воеводствами и приказным сиденьем побогатеют (стр. 12).

Вот подробная картина семейного быта царского:

У царя и у царицы покои свои особые; и видают царицу бояре и ближние люди временем, а простые люди мало когда видают. И на праздники государские, и в воскресные дни, и в посты, царь и царица почивают в своих покоях порознь; а когда случится быти опочивати им вместе, и в то время царь по царицу посылает, велит быть к себе спать или сам и ней похочет быть. А которую ночь опочивают вместе, и на утрее ходят в мылню порознь, или водою измыются; а не быв в мыльне, или не измывая водою, в церковь и ко кресту не приходят, понеже поставлено то в Нечистоту и в грех, и не токмо царю и царице, но и простым людям запрещено.

Сестры же царские, или и дщери, царевны, имеяй свои особые ж покои разные, и живушие яко пустынницы, мало зряху людей, и их люди; но всегда в молитве и в посте пребываху и лица свои слезами омываху, понеже удовольствие имеяй царственное, не имеяй бо себе удовольствия такого, как от всемогущего бога вдано человеком совокупитися и плод творити. А государства своего за князей и за бояр замуж выдавати их не повелось, потому что князи и бояри их есть холопи и в челобитье своем пишутся холопьями, и то поставлено в вечный позор, ежели за раба выдать госпожу; а иных государств за королевичей и за князей давати не повелось, для того что не одной веры, и веры своей отменить не учинят, ставят своей вере й поругание, да и для того, что иных государств языка и политики не знают, и от того им было в стыд (стр. 12).

При рождении царевича бывают великие пиры и богатые раздаются вклады, подарки и милостыни. При рождении царевны эти расходы бывают вполовину меньше. Если кормилица царевича или Царевны дворянского рода, мужу ее дается воеводство или вотчина, а если низшего звания, то повышают чинами и награждают большим жалованьем. "А как приспееет время учить царевича грамоте, и в учителя выбирают учительных людей, *тихих и небражников*; а писать и учить выбирают из посольских подьячих; а иным языком, латинскому, греческого, немецкого, и некоторых, кроме русского поучения, в Российском государстве не бывает". До 15-летнего возраста, кроме близких людей, царевича никто не видит; после же этого срока он ходит с отцом своим в церковь и на потехи; "а как уведают люди, что уж его объявили, и из многих городов люди на дивовише ездят смотрити его нарочно". Когда же царевны и молодые царевичи ходят в церковь, то, чтобы никто не мог их видеть, около них несут суконные полы, и в церкви завешивают тафтою. Экипажи завешивались тафтою во время поездок по монастырям. Когда царь умирает, -- подобно тому как и при женитьбе его, преступники освобождаются из тюрем.

Горе тогда людям, будучим при погребении, потому что погребение бывает в ночи, а народу бывает многое множество, московских и приезжих до городов и из уездов; а московских людей натура не богобоязливая, с мужеска пола и женска по улицам грабят платье и убивают до смерти; и сыщется того дни, как бывает царю погребение, мертвых людей убитых и зареванных болши ста человек... И изойдется на царское погребение денег на Москве и в городех, близко того, что на год придет с государства казны (стр. 17).

Свадьбы бояр совершались почти так же, как и царские: разница -- в отношениях царя к подданным, и наоборот. Сватовство производилось всегда не самим женихом, а кем-нибудь из его родственников или из друзей; и только в церкви, под венцом, мог жених увидеть подругу всей своей жизни. Венчанью предшествовал формальный контракт, или записи, в которых отец

невесты выставлял ее приданое, а жених обязывался жениться в такой-то срок времени. Когда новобрачных отведут спать, гости, по наивному выражению Кошихина, "учнут есть и пить по-прежнему". *Спустя час боевой*, посылают к новобрачным справляться о здоровье; в случае удовлетворительного ответа, боярыни идут в спальню, поздравляют и пьют задравные чаши; потом оставляют новобрачных и разъезжаются, вместе с гостями мужеска пола, домой, "а жених с невестою учнет по-прежнему опочивать". На другой день, после бани, жених бьет челом родителям молодой, что соблюли ее в целости; в противном случае пеняет им по-тиху, однако так, что об этом все узнают, и царь не принимает его к себе с челобитьем. Если узнают, что новобрачные в родстве или кумовстве, их разводят, с правом искать -- ему другой жены, а ей -- другого мужа; а попа отставляют, взыскав с него большую пеню.

Таким образом бывают свадьбы и у прочих дворян, "как кто может по силе своей славу и честну свадьбу учинити кроме того что ездят к царю челом ударить только думные люди и спалники". "Также и меж торговых людей и крестьян свадебные сговоры и чин бывает против того ж обычая, во всем; но только в поступках их и в платье с дворянским чином рознится, сколько кого станет".

А будет у которого отца, или матери, есть две или три дочери девицы, и первая дочь увечна очми, или рукою, или ногою, или глуха и нема, а другие сестры ростом и красотою и речью исполнены и во всем здоровы; и будет кто учнет свататься у того человека на дочери его, и посылает смотрити мать свою или сестру и кому верить, и те люди вместо тое своея увечный дочери, назвав именем тое дочери, за которую не ведаючи учнут свататься, показывает другую или третью дочь, и та присланная смотря девицы тое излюбит и скажет жениху, что она добра и жениться ему на ней мочно: и как жених по тем словам полюбит и о свадьбе у них с отцем и с матерью учинится сговор, что ему на той именем девице жениться на срок, а тому человеку тое свою девицу за него выдать на тот же уставленной срок, и напишут в писме своем заряды великие, что платить виноватому не мочно; а как будет свадьба, и в то время за того жениха по сговору выдают они замуж увечную или худую свою дочь, который имя в записях напишут, а не тое, которую сперва смотрилщице показывали, и тот человек, женися на ней, того дни в лицо ее не усмотрит, что она слепа или крива, или что иное худое, или в словах не услышит, что она нема или глуха, потому что в тое свадьбу бывает закрыта и не говорит ничего, также ежели хрома и руками увечна и того потому ж не узнает, потому что в то время ее водят свахи под руки, а как от венчания и от обеда пойдет с нею спать, и тогда при свече ее увидит, что добре добра, век с нею жить, а всегда плакать и мучиться -- и потому умыслит над нею учинить, чтоб она постриглась; а будет по доброй его воле не учинит, не пострижется, *и он ее бьет и мучит всячески, и вместе с нею не спит*, до тех мест что она похочет постричься сама... А который человек, видя свою жену увечную, или несовестливую, отступя от нее сам

пострижется; а иные мужья, или жены, много того чинят, велят отравами отравляти... Также у которого отца одна дочь девица, а увечна будет чем нибуди худым, и вместо ея на обманство показывают нарочно служащую девку или вдову, назвав имянем иным и нарядя в платье в иное. А будет которая девица ростом невелика, и под нее подставляливают стулы, потому что видится добродна, а на чем стоит того не видеть.

Благоразумный читателю! не удивляйся сему; истинная есть тому правда, что во всем свете нигде такого на девки обманства нет, яко в Московском государстве; а такого у них обычая не повелось, как в иных государствах, смотрити и уговариватися временем с невестою самому (стр. 124-126).

Прочие описания частной жизни бояр у Кошихина также любопытны. Кушанья готовились без приправ, и всякий клал в них уксуса, соли и перца уже на столе. Число яств за обедом простиралось до 50 и до 100.

Обычай же таковой есть: пред обедом велят выходить к гостем челом ударить женам своим. И как те их жены к гостем придут, и станут в полате, или в избе, где гостем обедать, в большом месте, а гости станут у дверей, и кланяются жены их гостем малым обычаем, а гости женам их кланяются все в землю; и потом господин дому бьет челом гостям и кланяется в землю ж, чтоб гости жену его изволили целовать, и наперед, по прошению гостей, целует свою жену господин, потом гости един по единому кланяются женам их в землю ж, и пришед целуют, и поцеловав отшед потому ж кланяются в землю, а та кого целуют, кланяется гостем малым обычаем; и потом того господина жена учнет подносить гостем по чарке вина двойного, или тройного с зельи, величиною та чарка бывает в четвертую долю квартаря, или малым болши; и тот господин учнет бити челом гостем и кланяется в землю ж, сколько тех гостей ни будет всякому по поклону, чтобы они изволили у жены его нити вино; и по прошению тех гостей, господин прикажет пити наперед вино жене своей, потом пьет сам, и подносят гостем, и гости пред питьем вина и выпив отдав чарку назад кланяются в землю ж; а кто вина не пьет, и ему вместо вина романеи, или ренского, или иного питья по кубку; и по том питии, того господина жена поклонясь гостем пойдет в свои покои, к гостем же, к боярыням тех гостей к женам. А жена того господина, и тех гостей жены, с мужским полом, кроме свадеб, не обедают никогда, разве которые гости бывают кому самые сродственные, а чужих людей не бывает, и тогда обедают вместе. Таким же обычаем, и в обед, за всякою ествою господин и гости пьют вина по чарке, и романею, и ренское, и пива поддельные и простые, и меды розные. И в обед же как приносят на стол ествы круглые пироги, и перед теми пирогами выходят того господина сыновни жены, или дочери замужние, или кого сродственных людей жены, и те гости встав и вышед из-за стола к дверям тем женам кланяются, и мужья тех жен потому ж кланяются и бьют челом, чтоб гости жен их целовали и вино у них пили; и гости целовав тех жен и пив вино садятся за стол, а те

жены пойдут по-прежнему, где сперва были. А дочерей они своих девиц к гостям не выводят и не указывают никому, а живут те дочери в особых дальних покоях. А как стол отойдет, и по обеде господин и гости потому ж веселятся и пьют друг про друга за здоровья, розъедутся по домам. Таким же обычаем и боярыни обедают и *пьют* меж себя, *по достоинству*, в своих особых покоях; а мужского полу, кроме жен и девиц, у них не бывает никого (стр. 118-119).

Вот как Кошихин представляет наше боярство.

Когда в посольстве назначались люди, равные породою и родом, но неравные заслугами отцов, из которых одни никогда не бывали в должностях такого рода, -- то потомки дедов, бывавших в посольствах, отказываются ехать с другими, а эти бьют челом Царю на них в бесчестии. Царь приказывает справиться в разрядных книгах, и если оказывается, что тем и другим "ехать мочно", велит ехать; а если "не мочно", назначает других. В случае непослушания после справки, царь выдает виноватого головою оскорбленному. Фраза "выдать головою" не раз подавала у нас повод к ложным толкам; вот в чем состоял и вот как производился действительно процесс "выдачи головою".

И которого дни прикажет царь кого боярина, или околничего, или столника, за бесчестье отослать головою к боярину, или думного человека и столника к околничему, и того дни тот боярин, или околничей, у царя не бывает, а посылают к нему с вестью, которые люди с ним быть не хотели пришлют к нему головою; и он того ожидает. А посылают к ним таких людей с дьяком, или с подьячим, и взяв тех людей за руки, ведут до боярского двора приставы, а на лошади садиться не дают; а как приведут его на двор к тому, с кем он быти не хотел, поставят его на нижнем крыльце, а дьяк, или подьячей, велит тому боярину о своем приходе сказать, что привел к нему того человека, который с ним быти не хотел, и его бесчестит, и боярин к дьяку, или подьячему, выдет на крыльцо; и дьяк и подьячей учует говорить речь, что великий государь указал и бояре приговорили того человека, который с ним быти не хотел, за его боярское бесчестье, отвесь к нему боярину головою; и тот боярин на царском жалованье бьет челом, а того кого приведут велит отпустить его к себе домовь, и отпустя его домовь на дворе у себя на лошади ему садиться и лошади водить на двор не велит. И тот, кого посылают к кому головою, от царского двора идучи до боярского двора и у него на дворе, *лает его и бесчестит всякою бранью*; а тот ему за его злоречивые слова ничего не чинит, и не смеет, потому что того человека отсылает царь к тому человеку за его бесчестье, любячи его, а не для чего иного, чтоб тот человек учинил над ним убойство, или увечье; а кто б что над таким отсыланным человеком что учинил, какого злого бесчестья и увечья, и тому б человеку самому указ был против того вдвое, потому что он обесчестит не того, кого к нему отошлют, истинно будто самого царя. А кто таких людей отводит дьяк, или подьячей, и тот боярин, к которому отводят,

дарит их подарками не малыми. И назавтрее того дни ездит тот боярин к царю, а приехав бьет челом царю на его жалованье, что он к нему велел за бесчестье противника его отослать головою. И после того царь велит с тем боярином, или околничим, быти иному человеку, кому мочно, а прежняго оставя; и бывает царь на того человека гневен, и очей его царских не видит многое время.

А которые не думного чину люди не похотят быть, по указу царскому и по сыску, с теми людьми, с кем им быть велено, и тем бывает за слушание и за бесчестье наказание в тюрьму, по царскому рассмотрению; а иным за такое их слушание и за бесчестье того, с кем быти не хотят, учинят наказание, бьют батоги в приказах и в верху перед царскими полатами; а на иных за бесчестья правят денги, против жалованья, и отдают тому, кого они бесчестят; а у иных за такие слушания бывает наказание, отоймут честь и поместья и вотчины, и бив кнутом или батоги, ссылают в ссылку на вечное житье в Сибирь в казаки.

Также как у царя бывает стол на властей и на бояр, и власти у царя садятся за столом, но правой стороне, в другом столе. И как те бояре учнут садиться за стол, по чину своему, боярин под боярином, околничей под околничим и под боярами, думный человек под думным человеком и под околничими и под боярами, а иные из них ведая с кем в породе своей ровность под теми людьми садиться за столом не учнут, поедут по домам, или у царя того дни отпрашиваются куды к кому в гости, и таких царь отпускает. А будет царь уведает, что они у него учнут проситися в гости на обманство, не хотя под которым человеком сидеть, или не прошався у царя поедет к себе домовь: и таким велит быть и за столом сидеть, под кем доведется. И они садиться по учнут, а учнут бити челом, что ему ниже того боярина, или околничего, или думного человека, сидети не мочно, потому что он родом с ним ровен, или и честняя, и на службе и за столом преж того род их с тем родом, под которым велят сидеть, не бывал: и такого царь велит посадити силно; и он посадити себя не дает, *и того боярина бесчестит и лает*. А как его посадят силно, и он под ним не сидит и выбивается из-за стола вон, и его не пушают и розговаривают, чтоб он царя не приводил на гнев и был послушен; и он кричит: "хотя де царь ему велит голову отсечь, а ему под тем не сидеть" и спустится под стол; и царь укажет его вывести вон и послать в тюрьму, или до указу к себе на очи пушати не велит. А после того, за то слушание отнимается у них честь, боярство, или околничество и думное дворянство -- и потом те люди старые своей службы дослуживаются вновь.

А кому за такие вины бывают наказания, сажают в тюрьму, и отсылают головою, и бьют батоги и кнутом: и то записывают в книги, имянно, впредь для ведомости и спору (стр. 34-36).

Выписываем слова Кошихина об администрации.

И кто что в посолстве своем говорил какие речи, сверх наказу, или которые речи не исполнят против наказу: и те все речи, которые говорены, И

которые не говорены, пишут они в статейных своих списках не против того, как говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разум на обманство. чрез чтоб достать у царя себе честь и жалованье большое; и не срамляются того творити, понеже царю о том кто на них может о таком деле объявить?

Вопрос: Для чего так творят?

Ответ: Для того: Российского государства люди пороною своею спесивы и необычайные ко всякому делу, понеже в государстве своем поучения никакого доброго не имеют и не приемлют, кроме спесивства и бесстыдства и ненависти и неправды: и ненаучением своим говорят многие речи к противности, или скоростию своею к подвижности, а потом в тех своих словах временем запрутся и превращают на иные мысли; а что они говоря каких слов запираются, и тое вину возлагают на переводчиков, будто изменою толмачат... Благоразумный читателю! чтучи сего писания не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая в иные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веру и обычаи, начали б свою веру отменять и приставать к иным, и о возвращении к домам своим и к сродичам никакого бы попечения не имели и не мыслили. И о поезде московских людей, кроме тех, которые посылаются по указу царскому и для торговли с проезжими, ни для каких дел ехать никому не поволено. А хотя торговые люди ездят для торговли в иные государства, ж по них по знатных нарочитых людях собирают поручные записи, за крепкими поруками, что им с товарами своими и с животами в иных государствах не остатися, а возвратитися назад совсем. А который бы человек, князь или боярин, или кто-нибудь, сам, или сына, или брата своего, послал для какого-нибудь дела в иное государство без ведомости, не бив челом государю, и такому б человеку за такое дело поставлено было в измену, и вотчины, и поместья, и животы взяты б были на царя; и ежели б кто сам поехал, а после его остались сродственники, и их пытали, не ведали ли они мысли сродственника своего; или б кто послал сына или брата, или племянника, и его потому ж пытали б, для чего он послал в иное государство, не напроваживаючи ль каких воинских людей на московское государство, хотя государством завладети, или для какого иного воровского умышления по чьему научению и пытав того таким же обычаем (стр. 41).

Это суждение Кошихина очень замечательно: оно доказывает, что еще до Петра Великого умные люди сетовали на невежество высшего класса.

Замечательно у Кошихина описание известного бунта черни, по поводу введения медных денег, в царствование Алексея Михайловича. Царь в то время был в селе Коломенском и стоял в Церкви, из которой, увидев толпы народа, вышел к ним. Чернь начала требовать выдачи бояр, "и царь их уговаривал тихим обычаем, чтоб они возвратилися и шли назад, к Москве, а он царь койчас отслушает обедни будет в Москве, и в том деле учинит сыск и указ; и те люди говорили царю и *держали его за платье за пуговицы*: "чему де верить?" и царь обещался им богом и дал им на своем слове руку, и *один человек из тех людей с царем бил по рукам*, и пошли к Москве все".

...почали у царя просить для убийства бояр, и царь отговаривался, что он для сыску того дела едет к Москве сам; *и они учили царю говорить сердито и невежливо, с грозами*: "будет он добром им тех бояр не отдаст, и они у него учнут имать сами, по своему обычаю". Царь, видя их злой умысл, *что пришли недобро и говорят невежливо*, с грозами, и проведав, что стрельцы к нему на помочь в село пришли, закричал и велел стольником, и стряпчим, и дворяном, и жильцом, и стрельцом, и людем боярским, которые при нем были, тех людей бити и рубити до смерти и живых ловити. И как их почали бить и сечь и ловить, и им было противитися не уметь, потому что в руках у них не было ничего, ни у кого, почали бегать и топиться в Москву-реку -- и потопилося их в реке болши 100 человек, а пересечено и переловлено болши 7000 человек, а иные розбежались. И того ж дни около того села повесили со 150 человек, а досталным всем был указ, пытали и жгли, и по сыску за вину отсекали руки и ноги и у рук и у ног палцы, а иных бив кнутьем, и клали на цели на правой стороне признаки, разжегши железо на красно, а поставлено на том железе "буки" т. е. бунтовщик, чтоб был до веку признатен; и чиня им наказания, разослали всех в дальний города, в Казань и в Астрахань, и на Терки и в Сибирь, на вечное житье, и после их, по сказкам их, где кто жил и чей кто ни был, и жен их и детей потому ж за ними разослали; а иным пущим вором того ж дни, в ночи, учинен указ, завязав руки назад, посадя в большие суды, потопили в Москве-реке. А которые люди пришли в то село для челобитья дел своих, до того смутного времени, и люди их знали, и челобитные их сыскались: и таких уволили. А все те, которые казнены и потоплены и разосланы, не все были воры, а прямых воров болши не было, что с 200 человек; и те невинные люди пошли за теми ворами смотреть, что они, будучи у царя, в своем деле учинят, а вором на такое множество людей надежно было говорить и чинить что хотели, и от того все погинули, виноватой и правой. А были в том смятении люди торговые и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские и гуляющие и боярские люди; а поляков и иных иноземцев хотя на Москве множество живет, не сыскано в том деле ни единаго человека, кроме русских. И на другой день приехал царь к Москве и тех воров, которые грабили дома, велел повесить по всей Москве у ворот человек по 5 и по 4; а досталным был указ таков же, что и иным (стр. 81-82).

Многие уголовные дела предавались суду патриарха, а не светской власти.

А будет учинят (бояре и дворяне) над подданными своими, крестьянскими женами и дочерьми, какие блудные дела или *у жонки выбьют ребенка*, или *мученая и битая с ребенком умрет*, и будет на таких злочинцев челобитье: и по их челобитью отсылают такие дела, и истцов и ответчиков, на Москве к патриарху, а в городех к митрополитам и к архиепископам и к

епископу, и судят такие дела и указ по ним чинят, до чего доведется, у них на дворах, а в царском суде до того дела нет (стр. 114).

Перейдем теперь к судопроизводству, преимущественно уголовному. Кошихин говорит, что судьи в старину были страшные взяточники.

Однако ж хотя на такое дело положено наказание и чинят о тех посулах крестное целование с жестоким проклинателством, что посулов не имати и делати в правду, по царскому указу и по уложению: ни во что их вера и заклинателство и наказания не страшатся, от прелести очей своих и мысли содержать не могут и руки свои ко взятию скоро допускают, хотя не сами собою, однако по задней лестнице чрез жену или дочь, или чрез сына и брата, и человека, и не ставят того себе во взятые посулы, будто про то и не ведают (стр. 93).

Главнейшее орудие уголовных процессов была пытка.

А на которых они (*разбойники*) людей скажут и станы свои укажут, и тех людей, сыскав всех, поставят с очей на очи и тех воров пытаются накрепко, впрям ли те люди, на которых они говорят, с ними в том воровстве товарищами или становщиками и оберегалщиками были и ненапрасно ль на них говорят, по насердке: и будет с пыток скажут, что впрям ли те люди их товарищи и становщики или оберегалщики, и тех всех потому ж начнут пытать. (А устроены для всяких воров пытки: сымут с вора рубашку и руки его позади завяжут, подле кисти, веревкою, обшита та веревка войлоком, и подымут его кверху, учинено место что и виселица, а ноги его свяжут ремнем: и один человек палач вступит ему в ноги на ремень своею ногою, и тем его отягивает, и у того вора руки станут прямо против головы его, а из суставов выдут вон; и потом сзади палач начнет бити по спине кнутом изредка, в час боевой ударов бывает тридцать или сорок; и как ударит по которому месту по спине, и на спине станет так слово в слово будто большой ремень вырезан ножом, мало не до костей. А учинен тот кнут ременной, плетеной, толстой, на конце ввязан ремень толстой шириною на палец, а длиною будет в 5 локтей). И пытал его, начнут пытать других потому ж, и будет с первых пыток не винятся, и их спустя неделю времени пытаются вдругорядь и в третье, и жгут огнем, свяжут руки и ноги, и вложат меж рук и меж ног бревно, и подымут на огонь, а иным розжегши железный клещи на красном ломают ребра: и будет и с тех пыток не повинятся, и таких сажают в тюрьму, доколе по ним поруки будут, что им впредь за худым делом не ходити и вперед худого ничего не мыслити никому... А бывают мужеску полу смертные и всякие казни: головы отсекают топором за убийства смертные и за иные злые дела, вешают за убийства ж и за иные злые дела; *живого четвертают, а потом голову отсекут* за измену, кто город сдаст неприятелю, или с неприятелями держит дружбу листами, или иные злые изменные и противные статьи объявятся; *жгут живого* за

богохульство, за церковную татьбу, за содомское дело, за волховство, за чернокнижство, за книжное преложение, кто учинит вновь толковать воровски против апостолов и пророков и святых отцов с похулением, оловом и свинцом заливают горло за денежное дело, кто воровски делает, серебряником и золотарем, которые воровски прибавляют в золото и в серебро медь и олово и свинец; а иным за малые такие вины отсекают руки и ноги или у рук и у ног пальцы; ноги ж и руки и пальцы отсекают за конфедератство или и за смуту, которые в том деле бывают маловинны, а иных казнят смертью; также кто на царском дворе или где-нибудь, вымет на кого саблю, или нож, и ранит или и не ранит, также и за церковную за малую вину, и кто чем замахивается на отца бить и мать, а не бил, таковы ж казни; за царское бесчестье, кто говорит против него за очи бесчестные или иные какие поносные слова, бив кнутом вырезают язык. Женскому полу бывают пытки против того же, что и мужскому полу, кроме того, что на огне жгут и ребра ломают. А смертные казни женскому полу бывают: за богохульство и за церковную татьбу, за содомское дело жгут живых; за чаровство и за убийство отсекают головы; за погубление детей и за иные такие ж злые дела живых закопывают в землю по титки, с руками вместе потаптывают ногами, и от того умирают того ж дни или на другой и на третий день; а за царское бесчестье указ бывает таков же, что мужскому полу. А которые люди воруют с чужими женами и с девками, и как их изымают, и того ж дни или на иной день обеих мужика и жонку, кто б таков ни был, водят по торгам и по улицам вместе нагих, бьют кнутом (стр. 91-92).

Теперь оставим Кошихина и обратимся к другому очевидцу и свидетелю времени, непосредственно следовавшего за тем, которое описано Кошихиным. Мы разумеем здесь Желябужского, о любопытных записках которого, объемлющих собою период времени от смерти царя Феодора Алексеевича до 1709 года, было говорено в VI-й книжке "Отечественных записок" 1840 г. (том X). Здесь нам кстати и даже необходимо опять напомнить читателям об этой книге²⁵, чтоб дополнить картину внутреннего быта прежних времен России, из которых исторгла ее могучая воля Петра Великого.

...В том же году учинено наказание Петру Васильеву сыну Кикину: бит кнутом перед стрелецким приказом за то, что он девку растлил. Да и преж сего он Петр пытан был на Вятке за то, что подписался было под руку думиаго дьяка Емельяна Украинцова. -- В 193 году Федосей Филипов сын Хвоцинский пытан из стрелецкого приказа в воровстве, и за то его воровство, на площади чинено ему наказанье: бит кнутом за то, что он своровал: на порожном столбце составил было запись. -- Князю Петру Кропоткину чинено наказанье перед московским судебным приказом: бит кнутом за то, что он в деле своровал, выскреб и приписал своею рукою. -- Степану Коробьину учинено наказанье: бит кнутом за то, что девку растлил (стр. 15). Биты батоги перед холопьем приказом, Микита Михайлов сын

Кутузов, да Марышкин за то, что они ручались по Касимовском царевиче в человеке. -- В том же году князь Яков Иванов сын Лобанов-Ростовский да Иван Андреев сын Микулин ездили на разбой по Троицкой дороге, к красной сосне, разбивать государевых мужиков с их великих государей казною, и тех мужиков они розбили, и казну взяли себе, и двух человек мужиков убили до смерти. И про то их воровство разыскивано, и по розыску он князь Яков Лобанов взят с двора и привезен был к красному крыльцу, в простых санишках, и за то воровство учинено ему князь Якову наказанье: бит кнутом в железном подклете по упросу верховой боярыни и мамы княгини Анны Никифоровны Лобановой-Ростовской. Да у него ж князь Ивана отнято за то его воровство бесповоротно четыреста дворов крестьянских. А человека его колмыка, да казначея, за то воровство повесили. А Ивану Микулину за то учинено наказанье: бит кнутом на площади нещадно, и отняты у него поместья и вотчины бесповоротно, и розданы в роздачу, и сослан был в ссылку в Сибирь, в город Томск. -- В том же году чинено наказанье Дмитрию Артемьеву сыну Камынину, бит кнутом перед поместным приказом за то, что выскреб в поместном приказе, в тяжбе с патриархом. -- В том же году Богдан Засецкой, и с сыном, кладены на плаху, и снем с плахи, бит кнутом нещадно, а поместья и вотчины розданы были в роздачу бесповоротно. Дело у него было с Петром Безтужевым. -- В том же году, в земском приказе пытан Иван Петров сын Булаков, по челобитью боярина князь Василья Васильевича Голицына, для того, что вымал у него след. С пытки он Иван не винулся, сказал: "землю для того де в платок взял и завязал, что ухватил его утин, и преже сего то бывало, где его ухватит, тут де землю он и берет" (стр. 18-22). В 201 году князь Александру Борисову сыну Крупскому чинено наказанье: бит кнутом за то, что он жену убил. -- В том же году пытан черкасский полковник Михайло Гадицкой в государственном деле. С пытки он ни в чем не винулся, *очистился* кровью и сослан в ссылку. А который чернец на него доводил, казнен в черкасском городе Батурине. -- В 202 пытан в стрелецком приказе Леонтий Кривцов за то, что он выскреб в деле, да и в иных разбойных делах, и сослан в ссылку. -- В том же году пытан и сослан в ссылку Федор Борисов сын Перхуров за то, что он подьячаго убил. -- В том же году в приказе сыскных дел пытан дьяк Иван Шапкин: с подьячим своровали в деле в приказе холопья суда. -- В том же году бит батою в стрелецком приказе Григорей Павлов сын Языков за то, что своровал с площадным подьячим с Яковым Алексеевым: в записи написали задними числами за пятнадцать лет. А подьячему вместо кнута учинено наказание, бит батоги на Ивановской площади, и от площади отставлен. -- В том дав году, в Семеновском, бит кнутом дьяк Иван Харламов. -- В том же году, в стрелецком приказе пытан Володимер Феодоров сын Замыцкой, в подговоре девок, по язычной молвке Филиппа Давыдова. -- Земского приказу дьяк Петр Вязьмитин, перед Московским судебным приказом подымай с козел и, вместо кнута, бит батоги нещадно: своровал в деле, на правез ставил своего человека вместо ответчика (стр. 26-27). -- Дворянин Семен Кулешов бит кнутом за разныя лживыя сказки. -- Генваря в... день в стрелецком приказе

пытаны коширяне дети боярские: Михайло Баженов, Петр да Феодор Ерлоковы, за воровство. -- Генваря в 24 день, на Потешном дворце пытан боярин Петр Аврамович Лопухин прозвище Лапки, в государственном в великом деле, и генваря в 25 день в ночи умер.

В тех же числах явились в воровстве, по язычной молвке, стольники Володимер, да брат его Василей Шереметев. Князь Иван Ухтомский пытан. Лев да Григорей Игнатъевы дети Ползиковы, и они в том деле пытаны. Также явились и иные многие. А языки на них с пытки говорили: Ивашко Зверев с товарищи, что на Москве, они приезжали среди бела дни к посадским мужикам, и дома их грабили, и смертное убивство чинили и назывались большими. И Шереметевы освобождены на поруки с записьми и даны для бережи боярину Петру Васильевичу Шереметеву. И после того языки их казнены Ивашко Зверев с товарищи (стр. 42). -- И того же 203 года изменил из Московского государства Феодор Яковлев сын Дашков, и поехал было служить к польскому королю, и пойман на рубеже, и приведен в Смоленск и роспрашиван. А в роспросе он перед стольником и воеводою перед князем Борисом Федоровичем Долгоруким, в том своем отъезде повинился. А из Смоленска прислан окован к Москве в посольской приказ, а из посольскаго приказу освобожден для того, *что он дал Емельяну Украинцову двесте золотых*. -- Дьячей сын Константин Литвинов в стрелецком приказе бит батоги за то, что он обманул было на польском дворе грека: принес сто рублей медных денег вместо серебряных, и с тем был приведен в стрелецкой приказ. -- Из того же приказу вожены в застенок люди Тимофея Кирилова сына Кутузова два человека в том, что они били великих государей слесаря и пару пистолей у него отняли. И в застенке те люди повешены на виску, да третей человек подымал же Петра Безтужева, и на пытке он винился, что того слесаря они били по приказу Тимофея Кутузова, и сам он Тимофей бил и пару пистолей отнял (стр. 50-52).

Представив быт России в том виде, в каком изображают его нам очевидцы, перейдем теперь к тому светлomu, благодатному моменту в истории нашего отечества, когда Петр своим мощным "да будет" разогнал тьмы хаоса, отделил свет от тьмы и воззвал страну великую к бытию великому, назначению всемирному.

Все сказанное до сих пор просим принять только за предисловие ко второй статье, которая будет уже в следующей книжке.

Примечания:

¹ Здесь и далее критик цитирует "Письма русского путешественника" Н. М. Карамзина (ч. III) по его кн.: Соч., изд. 4-е, т. IV. СПб., 1834.

² Из современников критика подобные упреки (еще не проникавшие на страницы печати) последовательно высказывали ранние славянофилы (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков и др.). "Забвение" корней русского быта с позиции "официальной народности" осуждали М. П. Погодин и С. П. Шевырев, с января 1841 г. получившие собственную трибуну: под редакцией первого из них начал выходить журнал "Москвитянин" (см. также примеч. 14).

³ См. преамбулу.

⁴ Крылатое латинское выражение, восходящее к стиху из комедии Публия Теренция "Самоистязатель".

⁵ Перефразированная реплика Репетилова из "Горя от ума" (д. IV, явл. 4):

О Бейроне, ну о матерях важных...

⁶ Это суждение излишне категорично. Петровская тема -- даже без учета труда И. И. Голикова (см. примеч. 7) -- занимала достойное место в русской историографии XVIII - первой трети XIX в. (см.: Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомков. СПб., 1912; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. III. Л., Изд-во ЛГУ, 1971, с. 122-138). Можно отметить, например, "Замечания" М. В. Ломоносова на "Историю Российской империи в царствование Петра Великого" Вольтера (1757; впервые издано в 1829 г.).

⁷ Имеется в виду, незавершенная "История Петра" А. С. Пушкина, материалом для которой послужил, в частности, рецензируемый труд И. И. Голикова (12 томов "Деяний Петра Великого" первым изданием вышли в 1788-1789 гг.; 18 томов "Продолжения..." появились в 1790-1797 гг.).

⁸ Имеется в виду памятник Петру I работы Э. Фальконе ("Медный всадник").

⁹ "История государства Российского" (т. I-XII; 1818-1829) Н. М. Карамзина прервалась на описании событий рубежа XVI-XVII вв.

¹⁰ Перефразированные слова из начальных строк первого достоверного летописного свода: "Се повести времяных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть" ("Повесть временных лет". М.-Л., Изд-во АН СССР, 1950, с. 9).

¹¹ Термин "баснословный период" введен в русскую науку М. Т. Каченовским, родоначальником так называемой скептической школы. По мнению этого ученого, в киевский период русской истории общественный и политический строй был столь примитивен, что нет основания доверять каким-либо отечественным источникам и свидетельствам X-XIII вв. (подробнее о его взглядах см.: Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., Госполитиздат, 1941, с. 233-241). Белинский разделял скептический взгляд Каченовского на эту эпоху русской истории (см. его рецензию на "Историю России в рассказах для детей" А. О. Ишимовой -- наст. т., с. 473).

¹² Одним из самых спорных вопросов в русской исторической науке XVIII-XIX вв. являлся так называемый норманнский вопрос. "Норманисты" (Г. З. Байер, Г.-Ф. Миллер, А. Л. Шлецер, Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и др.) интерпретировали летописные сведения в том смысле, что русская государственность была привнесена извне варяжскими (норманскими) князьями. Эта точка зрения получила права официальной. "Антинорманисты" (М. В. Ломоносов, И.-Ф.-Г. Эверс, М. Т. Каченовский, Н. И. Костомаров, К. Н. Бестужев-Рюмин и др.), наоборот, считали, что русская государственность возникла исключительно вследствие внутренних процессов. Ограниченность обоих альтернативных решений лишь в последней четверти XIX в. была преодолена В. О. Ключевским. Белинский же вообще снимает норманнский вопрос с обсуждения, так как весь домосковский период русской истории -- какого бы происхождения ни была княжеская власть -- ошибочно представлялся ему маловажным (см. примеч. 11). Борьбу с норманнской теорией критик развернул в дальнейшем, в ходе полемики с М. П. Погодиным и славянофилами (см., например, его рецензию на "Славянский сборник" Н. В. Савельева-Ростиславича -- наст. изд., т. 7).

¹³ См. преамбулу.

¹⁴ В статье "Взгляд русского на современное образование Европы" С. Н. Шевырев заявил, что Запад, страдающий неизлечимыми пороками, "стремится" в "огненную бездну" ("Москвитянин", 1841, No 1, с. 288). Апокалипсическое видение грядущего краха

европейской цивилизации являлось будущим славянофилам еще в середине 30-х гг.; см., например, в стихотворении А. С. Хомякова "Мечта" (1835):

Но горе! век прошел, и мертвенным покровом
Задернут Запад весь. Там будет мрак глубок...

Однако между теоретиками "Москвитянина" и идеологами формировавшегося в конце 30-х гг. XIX в. славянофильства существовали принципиальные различия, которые подчас игнорируются из-за известной терминологической близости (хотя на эти различия обратил внимание еще А. И. Герцен -- см.: Герцен, т. IX, с. 137). Характерно, что указанная статья Шевырева вызвала недовольство К. С. Аксакова (см.: ЛН, т. 56, с. 151).

¹⁵ Из стихотворения С. С. Боброва "Столетняя песнь, иль Торжество осьмогонадесять века России" (1801); перефразированные строки этого произведения:

Но твердь иное предвещала;
Тогда Россия в мрачный век
В своей полнощи исчезала.
"Да будет Петр!" -- Бог свыше рек;
И бысть в России Солнца свет, -

взяты в эпиграф ко второй части статьи. См.: "Поэты 1790-1810-х годов". Л., "Советский писатель", 1971, с. 94.

¹⁶ Сравнение Ивана Грозного с Людовиком XI принадлежит Н. М. Карамзину (см. его "Историю государства Российского", т. IX. СПб., 1821, с. 438-439).

¹⁷ Критик в полемических целях контаминирует тезисы двух статей, опубликованных в "Москвитянин", № 1 за 1841 г. В статье М. П. Погодина "Петр Великий" говорилось о необходимости петровских преобразований в его эпоху, а в статье С. П. Шевырева "Взгляд русского на современное образование Европы" содержалось утверждение о глубоком кризисе европейской цивилизации.

¹⁸ Фраза, заключенная в кавычки, не является цитатой из Корана; но, по мнению критика, в ней выражена суть фаталистического мировоззрения восточных народов.

¹⁹ Критик цитирует -- в несколько измененном виде -- формулу из Корана: см. сура 9, ст. 130 (129); сура 27, ст. 26 (26); намаз -- мусульманская молитва, совершаемая пять раз в сутки.

²⁰ Фалака -- деревянный столб с отверстиями, сквозь которые продевалась веревка, крепящая ноги человека к этому столбу; в таком положении преступник получал удары палками.

²¹ Цитата из "Деяний Святых Апостолов", гл. 17, ст. 23: "...Я нашел и жертвенник, на котором написано "неведомому богу"".

²² По легенде, Горации и Куриации -- знатные роды, соперничавшие друг с другом в древнейший, так называемый царский период истории Рима (VI в. до н. э.). Юстиниан I -- византийский император, при котором был создан наиболее полный свод правовых норм -- "Кодекс Юстиниана".

²³ Речь идет о профессоре Александровского университета в Гельсингфорсе С. В. Соловьеве.

²⁴ О судьбе и странствиях Г. К. Котошихина см.: А. И. Маркевич. Г. К. Котошихин и его сочинение о московском государстве в половине XVII века. Одесса, 1895.

²⁵ См.: И. А. Желябужский. Записки с 1682 по 2 июля 1709. СПб., 1840.